

A romantic couple, a man and a woman, are standing on a balcony, holding hands and looking at each other. They are positioned in the foreground, with the man on the left and the woman on the right. The man is wearing a dark blue jacket and dark trousers, while the woman is wearing a tan coat and blue jeans. Behind them is a black metal railing. In the background, a coastal town with colorful buildings is built into a hillside overlooking the sea. The sky is filled with dramatic, orange-hued clouds, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is romantic and serene.

Лилит Шарм
ПРОТИВОТОКИ

18+

Лилит Шарм

Противотоки

<https://litres.ru/74252464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он строит жизнь по плану — чтобы хаос не смог его поглотить. Она собирает мир по кусочкам — чтобы не потерять себя в тишине. Курортный город, шторм, набережная и один кофе на двоих — так начинается история Романа и Кати: двух противоположностей, которым предстоит научиться слышать друг друга. Их путь — от страха быть непонятыми до смелости оставаться собой рядом с другим. Ссоры, признания, маленькие ритуалы и расстояние, которое не становится преградой. Это не просто история любви — это разговор о том, как два разных мира могут стать одним домом. Смогут ли они сохранить то, что нашли, когда курортный сезон закончится? И главное — готовы ли они к тому, что настоящая близость начинается там, где заканчиваются идеальные слова?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лилит Шарм

Противотоки

Глава

Глава 1. «Первый узел»

Роман выбрал это время не случайно. Межсезонье на побережье — как пауза между аккордами: ещё тепло, но уже нет той оглушающей суеты, когда каждый метр пляжа занят телами, полотенцами и криками, а воздух пропитан кокосовым маслом и жареными креветками. Сейчас песок под ногами ещё хранил дневное тепло, но ветер уже нёс с собой соль и обещание вечера. Чайки кричали редко, будто тоже берегли голос. Прибой звучал ровно, без надрыва — как хороший, спокойный ритм, под который можно дышать. Именно за этим Роман сюда и приехал. За ритмом, который не требует ответа. Он расстелил плед, аккуратно, по линиям, чтобы края легли ровно. Поставил термос — в нём был его любимый чай, заваренный ещё дома по особой пропорции: не слишком крепкий, не слишком слабый, ровно такой, чтобы вкус раскрывался постепенно, как хорошая книга. Рядом положил книгу — не для того, чтобы обязательно читать, а чтобы она была. И блокнот. В блокноте был «план тишины» на три дня: «9:00–11:00 — пляж, без разговоров; 11:30–13:00

— прогулка вдоль берега, без спешки; 13:30–15:00 — обед, один, без соцсетей; 15:30–18:00 — чтение или просто смотреть на море; 19:00–21:00 — ужин, тишина». Он не шутил насчёт этого. Для Романа тишина была не отсутствием звука, а состоянием, в котором можно услышать себя. А он давно не слышал. Родители жили в гостевом доме неподалёку, и он специально выбрал пляж в десяти минутах ходьбы — достаточно близко, чтобы не волноваться, и достаточно далеко, чтобы никто не пришёл «просто поведать». Мама наверняка уже купила ему какой-нибудь тёплый свитер, хотя на улице было плюс двадцать пять, и папа наверняка пытался завести разговор про «когда же ты уже встретишь хорошую девушку», но Роман улыбался, кивал и уходил. Не со злостью, а с усталостью человека, который слишком долго объяснял одно и то же. Сейчас он сел на плед, вытянул ноги, прикрыл глаза на секунду. Ветер тронул волосы, море шептало что-то неразборчивое, и Роман впервые за долгое время почувствовал, как внутри что-то отпускает. Он достал блокнот, проверил план — всё шло по графику. Даже лучше. И тут небо будто подмигнуло. Воздушный змей взлетел над пляжем — ярко-оранжевый, с синими полосами, похожий на лоскут заката. Он парил уверенно, будто знал, куда летит, и на секунду Роман даже залюбовался: вот она, свобода — когда ты просто летишь, и никто не спрашивает, куда и зачем. Но ветер вдруг сменил настроение. Он не стал сильнее — он стал хитрее. Повернулся, скользнул под ткань змея, рванул её, и в

следующую секунду оранжевый лоскут рухнул вниз. Прямо на Романа. Ткань накрыла его, как неловкое объятие. Он даже не успел ничего понять — только почувствовал, как мир на мгновение исчез, остался только шуршащий шёлк и запах моря, смешанный с чем-то сладким, будто карамель. — Ой! Простите! Простите, пожалуйста! — голос был звонкий, как колокольчик, и такой же неудержимый. Катя выскочила из-за спины Романа, метнулась к змею, попыталась стащить его, запуталась в стропах, споткнулась о край пледа — и тут же уронила сумку. Из неё, как из волшебного мешка, посыпались мелочи: маленький магнитик с видом города, блокнот с наклейками, конфета в блестящей обёртке, пара ручек, скомканный чек, ключи. Всё это разлетелось по песку, как улики чьей-то яркой, но хаотичной жизни. Роман сел, стряхнул ткань, посмотрел на этот маленький хаос и на мгновение замер. Его план тишины рассыпался быстрее, чем песок сквозь пальцы. — Простите, я не хотела, — повторила Катя, уже приседая и хватая всё подряд, не разбирая, что за чем. — Просто ветер... он такой странный сегодня, будто играет. Я думала, он поможет, а он... Она подняла на него глаза — большие, карие, с золотистыми искорками, будто в них застряли кусочки солнца. И улыбнулась. Не виновато, не заискивающе, а так, будто даже эта катастрофа была поводом для радости. — Зато теперь этот день точно запомнится! — сказала она, и в её голосе было столько искренности, что Роман почти улыбнулся в ответ. Почти. Он медленно поднял-

ся, отряхнул песок с пледа, посмотрел на свой термос, на книгу, на блокнот с планом — и понял, что сейчас ничего из этого не имеет значения. Мир снова стал громким. — Давайте помогу, — сказал он, и сам удивился, как спокойно прозвучал его голос. Будто это не он только что потерял контроль над днём, а кто-то другой. Они стали собирать вещи. Катя хватала всё подряд и складывала обратно в сумку, Роман подбирал то, что падало мимо. Магнитик покатился к его ноге, он поднял его, повертел в пальцах — на нём был нарисован маяк, простой, но уверенный, будто говорил: «Я здесь, даже если ты меня не видишь». — Спасибо, спасибо огромное, — повторяла Катя, всё ещё немного задыхаясь от спешки. — Я вообще-то не такая неуклюжая, правда. Просто... я так хотела, чтобы этот змей полетел. Чтобы хоть что-то сегодня полетело. Роман посмотрел на неё внимательнее. В её словах было что-то, что зацепило его — не жалость, а какая-то тихая надежда, спрятанная за весёлостью. — Иногда ветер просто не на той стороне, — сказал он, протягивая ей магнитик. Она взяла его, прижала к груди, будто это был не кусок металла с картинкой, а что-то важное. — Да, — кивнула она. — Но зато он иногда приносит что-то хорошее. Например, новых людей. Роман чуть нахмурился, но не от раздражения, а от непривычки. Он не хотел новых людей. Он хотел тишины. Но в её улыбке было что-то такое, что не позволяло просто отвернуться. — Ну, я пойду, — сказала Катя, застёгивая сумку, но не двигаясь с места. — Ещё раз

простите за змея. И за весь этот... беспорядок. — Ничего, — ответил Роман, и это было почти правдой. — Главное, что никто не пострадал. Она рассмеялась — легко, искренне, и этот смех, как волна, прокатился по пляжу, смывая остатки его раздражения. — Это да, — кивнула она. — Хотя мой змей, кажется, немного обиделся. Она махнула рукой, повернулась и пошла прочь, чуть подпрыгивая на каждом шаге, будто даже ходить спокойно было для неё слишком скучно. Роман смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри шевелится что-то странное — не злость, не усталость, а любопытство. Как будто он услышал слово, которое давно забыл. Когда она почти скрылась из виду, он опустил руку в карман — и нащупал там ещё один магнитик. Тот самый, с маяком. Катя не заметила, что он остался у него. Роман замер на секунду, потом посмотрел в сторону, куда она ушла, потом снова на магнитик. Вернуть? Догнать? Сказать: «Вы забыли»? Но что-то остановило его. Может быть, то, как она сказала: «Зато теперь этот день точно запомнится». Может быть, ему вдруг захотелось, чтобы этот день и правда запомнился. Не как нарушение плана, а как что-то, что изменило его. Он не вернул магнитик. Не сразу. Вместо этого он сел обратно на плед, налил себе чай, открыл книгу — но не читал. Просто сидел, чувствуя, как ветер играет с краем пледа, как море шепчет что-то своё, и как в кармане лежит маленький кусочек чужого счастья. Вечером, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в розовые и золотые полосы, Роман сидел

у окна в своей комнате. Книга лежала перед ним, открытая на той же странице. Он не продвинулся ни на строчку. Вместо этого он достал магнитик, положил его на подоконник, потом взял в руки, повертел, посмотрел, как свет ложится на рисунок маяка. «Я здесь, даже если ты меня не видишь», — будто шептал он. Роман улыбнулся — впервые за день по-настоящему. И подумал, что, может быть, тишина — это не когда ничего не происходит. Может быть, это когда ты слышишь то, что важно. А завтра... завтра он не будет спешить с планом. Пусть ветер решает.

Глава 2. «Кофе не по плану»

Роман пришёл в кафе ровно в 9:00. Не в 8:58 и не в 9:03 — ровно. Это был его маленький бунт против хаоса: если уж нельзя контролировать всё, можно контролировать хотя бы время. Он знал это кафе: небольшое, уютное, с деревянными столиками, где бариста помнил постоянных гостей, а запах свежей выпечки смешивался с ароматом кофе и делал утро чуть добрее. Здесь у него был свой ритуал. Каждый день — один и тот же заказ: чёрный кофе, без сахара, без молока, без лишних слов. Просто «чёрный, пожалуйста». И каждый раз бариста кивал, будто понимал: этому человеку сейчас нужно что-то простое, без сюрпризов. Сегодня Роман хотел, чтобы всё было как всегда. После вчерашнего на пляже он чувствовал себя странно — будто кто-то незаметно переставил мебель в его привычной комнате, и он ещё не понял, нравится ему новый вид или нет. Тот магнитик с маяком он поло-

жил на тумбочку у кровати, и весь вечер ловил себя на том, что смотрит на него. Не потому, что он был красивым — он был самым обычным сувенирным магнитиком, из тех, что продают в каждой лавке на набережной. Но в нём было что-то упрямое: маяк стоял, даже когда вокруг бушевал шторм. И вот теперь Роман стоял у стойки, привычным жестом поправил рукав свитера и спокойно произнёс: — Чёрный, пожалуйста. Без сахара. Бариста кивнул, начал готовить, и Роман уже мысленно поставил галочку: первый пункт утреннего плана выполнен. Он огляделся: в кафе было немногочисленно, как и положено в межсезонье. У окна сидели родители Романа — мама листала путеводитель, папа что-то тихо ей рассказывал, время от времени поглядывая на дверь, будто ждал, что сын вот-вот появится. Они махали ему, он улыбнулся в ответ, но не подошёл: сегодня ему хотелось сначала просто выпить свой кофе и вернуть себе ощущение порядка. — И ещё один, — раздался рядом звонкий голос, который Роман узнал бы даже среди сотни других. — Только не обычный. Что-нибудь... с характером. С корицей, с кардамоном, с чем-то, что заставит меня проснуться не только глазами, но и душой. Роман медленно повернул голову. Катя стояла рядом, в лёгкой куртке, с шарфом, небрежно намотанным на шею, и смотрела на бариста с таким ожиданием, будто от этого напитка зависело, каким будет весь её день. В её глазах плясали искорки, а на щеке, когда она улыбалась, появлялась крошечная ямочка — та самая, которую Роман заметил вче-

ра и тут же сделал вид, что не заметил. Он почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — не раздражение, а что-то похожее на любопытство, которое он старательно прятал за маской спокойствия. — Сейчас сделаем, — кивнул бариста и, кажется, немного увлёкся: ловко взбивал молоко, добавлял специи, что-то шептал себе под нос, будто колдовал. Роман стоял рядом и чувствовал, как его идеальный, предсказуемый утренний план начинает трещать по швам. Он хотел отойти, занять столик, посидеть в тишине, но ноги будто приросли к полу. — Ты снова здесь, — сказала Катя, не глядя на него, но улыбаясь так, будто это была самая приятная случайность на свете. — Или это не случайность? Может, у тебя тут тоже есть план? — Есть, — сдержанно ответил Роман. — Но он не включает в себя воздушные змеи. Катя рассмеялась, и этот смех, лёгкий и искренний, будто разогнал остатки утренней прохлады. — Зато включает кофе. А кофе — это уже повод для знакомства. Меня, кстати, Катя. — Роман, — ответил он, и имя прозвучало непривычно — будто он впервые представил себя кому-то за долгое время. В этот момент бариста протянул им стаканы. — Вот, — сказал он. — Пряный латте с корицей и кардамоном. И... чёрный кофе. Только вот стаканы он перепутал. Роману достался пряный латте, густой, ароматный, с пенкой, которая пахла домом, специями и чем-то уютным, но совершенно не вписывающимся в его утренний ритуал. А Кате — чёрный, строгий, без единого намёка на приключение. Катя посмотрела на свой стакан, потом на

Романа, потом снова на стакан — и вдруг рассмеялась так, что несколько посетителей обернулись. — Ну вот, — сказала она, протягивая Роману свой стакан. — Судьба решила всё за нас. Пусть будет приключение. Роман замер. Его первая реакция была простой и привычной: исправить. Позвать бариста, объяснить, что произошла ошибка, вернуть всё на свои места, чтобы день снова стал предсказуемым. Он уже открыл рот, чтобы сказать что-то вроде: «Давайте поменяемся», но смех Кати остановил его. В нём не было насмешки, только радость от самой нелепости ситуации. — Или... — Катя прищурилась, будто придумывала новую игру. — Давай не будем ничего менять. Пусть каждый попробует то, что ему не предназначалось. Вдруг это именно то, чего нам не хватало? Роман посмотрел на пряный латте в своих руках. Аромат корицы витал в воздухе, тёплый и настойчивый, и вдруг он подумал: а что, если сегодня можно не исправлять? Что, если можно просто попробовать? — Ладно, — медленно сказал он, чувствуя, как внутри шевелится что-то новое, непривычное. — Пусть будет приключение. Они сели за столик у окна — не по инициативе Романа, а потому что Катя просто взяла два стакана и направилась к свободному месту, ожидая, что он последует за ней. И он последовал. Родители Романа сидели неподалёку и, конечно, всё видели. Мама улыбнулась, папа тихо хмыкнул: — Ты будто ожил, — сказал он, не скрывая удовольствия. — Ещё вчера ты был как камень: сидишь, смотришь на море, ни слова. А сегодня уже

приключения с кофе. Роман хотел было возразить, сказать, что это просто случайность, что ничего не изменилось, но слова застряли в горле. Потому что, странно, но он и правда чувствовал себя чуть живее. Будто кто-то приоткрыл окно, и в комнату ворвался свежий ветер. Катя заметила этот обмен репликами, улыбнулась родителям Романа, кивнула им, как старым знакомым, а потом повернулась к Роману: — Так что, попробуем? — она подняла свой чёрный кофе, будто это был бокал шампанского. — За неожиданные повороты. Роман поднял свой пряный латте. — За... неидеальные дни, — ответил он, и в этих словах было больше правды, чем он хотел показать. Первый глоток оказался неожиданным. Корица, кардамон, сладость — всё это смешалось в тёплом потоке, который будто разбудил вкусовые рецепторы, давно привыкшие к привычному чёрному кофе. Роман на секунду замер, прислушиваясь к ощущениям. Это было... приятно. Неправильно, не по плану, но приятно. — Ну как? — спросила Катя, наблюдая за ним с тем самым любопытством, которое одновременно раздражало и притягивало. — Необычно, — честно ответил Роман. — Я бы не выбрал это сам. — А в этом и смысл, — пожала плечами Катя. — Иногда самое лучшее приходит не тогда, когда мы выбираем, а когда мир решает выбрать за нас. Она сделала глоток чёрного кофе и поморщилась: — Фу, это как глоток серьёзности. Никакой радости. Роман не смог сдержать улыбку. — Это мой обычный кофе, — признался он. — Я люблю, когда всё просто.

— Просто — это хорошо, — кивнула Катя. — Но иногда хочется, чтобы мир подкинул что-то с корицей. Они замолчали на мгновение, и в этой тишине не было неловкости — только лёгкий шум кафе, звяканье чашек, приглушённые голоса, ветер, шевелящий вывеску за окном. — Расскажи про свои ритуалы, — вдруг попросила Катя. — Про то, как ты любишь, чтобы всё было просто. Мне кажется, в этом есть своя красота. Роман чуть нахмурился, не потому что не хотел рассказывать, а потому что редко говорил о таких вещах вслух. Но что-то в её взгляде — искреннее любопытство без осуждения — заставило его открыться. — Я планирую даже «ничегонеделание», — признался он, чуть смущённо. — У меня есть блокнот, где я расписываю дни: когда гулять, когда читать, когда просто сидеть и смотреть на море. Для меня это не ограничение, а... способ не потеряться в шуме. Когда всё расписано, я знаю, что у меня есть место, где можно выдохнуть. Катя слушала внимательно, не перебивая, и в её глазах не было насмешки — только интерес. — А я собираю мир по мелочам, — сказала она. — Например, каждый раз, когда приезжаю в новое место, я покупаю магнитик. Не какой-то особенный, а просто тот, который первым попадётся на глаза. Это мой способ сказать себе: «Сегодня хороший день, давай его запомним». Роман вспомнил магнитик на своей тумбочке и почувствовал, как что-то внутри него тихо щёлкнуло. — Тот, с маяком... — начал он, но тут же остановился, не желая признаваться, что оставил его у себя. — Ага, — улыб-

нулась Катя. — Он немного неуклюжий, но в нём есть что-то надёжное. Как будто он говорит: «Я здесь, даже если ты меня не видишь». — Именно так, — тихо сказал Роман, удивляясь, что они думают об одном и том же. Они снова замолчали, но теперь тишина была другой — не пустой, а наполненной. Будто они нашли общий язык, даже не говоря ничего важного. — Знаешь, — сказала Катя, глядя в окно, где ветер играл с вывеской, — иногда мне страшно, что моя энергия отпугивает людей. Что я слишком шумная, слишком яркая, слишком... много всего. Роман посмотрел на неё — на её искренность, на эту уязвимость, спрятанную за улыбкой, и вдруг понял, что хочет сказать ей что-то важное. — Ты не отпугиваешь, — тихо произнёс он. — Ты просто слишком яркая для моего режима «тишина». Но, знаешь, в этом есть своя прелесть. Как в пряном латте: сначала думаешь, что это слишком, а потом понимаешь, что без этого уже не так вкусно. Катя улыбнулась, и на её щеке снова появилась та самая ямочка. Роман заметил её и тут же отвёл взгляд, будто увидел что-то слишком личное, слишком настоящее. — Спасибо, — тихо сказала Катя. — Это много значит. Они допили свои напитки — не идеальные, не привычные, но именно такие, какими должны были быть в этот день. Роман не спешил уходить, хотя его план предусматривал после кофе прогулку в одиночестве. А Катя не торопилась искать новых приключений — ей вдруг стало спокойно просто сидеть здесь, рядом с этим серьёзным, рассудительным мужчиной, который умел

слушать. Когда они вышли из кафе, ветер встретил их по-новому: не как враг, сбивающий с ног, а как старый знакомый, который просто хотел поздороваться. Родители Романа помахали им, и мама улыбнулась так, будто уже знала что-то, чего не знали они сами. — Может, прогуляемся? — неожиданно для себя предложил Роман. — Не по моему плану, а просто... куда ноги приведут. Катя рассмеялась — легко, радостно, и этот смех снова прокатился по набережной, смывая остатки его сомнений. — С удовольствием, — сказала она. — Пусть сегодня ноги решают. И они пошли — не спеша, подстраиваясь под шаг друг друга, замечая мелочи: как падает свет на мокрый песок, как кричат чайки, как пахнет воздух после дождя. И в этот момент Роман понял: его план на день можно немного изменить. Ведь иногда самое важное происходит не тогда, когда ты всё контролируешь, а когда позволяешь миру удивить тебя.

Глава 3. «Маршрут по ошибке»

Роман шёл по набережной привычным маршрутом — не потому, что он был самым красивым, а потому, что был предсказуемым. Пляж, кафе, набережная, потом обратно к гостевому дому, чтобы успеть к тихому часу, когда город будто сбрасывает дневную суету и становится чуть более настоящим. В этом и была прелесть межсезонья: не нужно было никуда прорываться сквозь толпу, не нужно было искать «свое место» — оно само находилось, стоило только замедлить-

ся. Он шёл, не торопясь, и чувствовал, как внутри понемногу возвращается то самое ощущение порядка, которое вчера на пляже чуть не рассыпалось из-за оранжевого воздушного змея и звонкого голоса. Сегодня он не искал встреч. Честно. Он даже специально выбрал чуть другой темп — чуть медленнее обычного, чтобы точно никого не встретить. Но в глубине души, где-то там, куда он редко заглядывал, шевелилось что-то похожее на ожидание. Не надежда, нет — просто лёгкое любопытство: а вдруг снова будет этот ветер, который приносит с собой что-то неожиданное? Набережная дышала морем. Ветер трепал ленты на прилавках сувенирных лавок, шевелил бумажные флажки, играл с прозрачными пакетами, которые продавец пытался аккуратно сложить. Витрины были полны ракушек, открыток, магнитиков, браслетов из камней — всего того, что люди покупают, чтобы увезти с собой кусочек места. Для Романа эти лавки были чем-то вроде музея мелочей: интересно посмотреть, но не хочется трогать. А для кого-то, он знал, каждая ракушка — это история. И тут он увидел её. Катя стояла у витрины с открытками, склонив голову набок, будто пыталась услышать, о чём шепчут картинки. Она водила пальцем по стеклу, останавливалась на одной, потом на другой, улыбалась чему-то своему, снова скользила взглядом дальше. На ней была та же лёгкая куртка, шарф теперь был повязан не небрежно, а как-то по-новому — будто она сама придумала этот узел и осталась довольна. Роман на секунду замер. Не потому, что не знал, что делать,

а потому что вдруг понял: он не хочет проходить мимо. Не хочет делать вид, что не заметил. И это было странно — ведь он столько лет тренировался быть незаметным, растворяться в фоне, не создавать лишних волн. А теперь ему хотелось подойти. Просто подойти и сказать: «Ну что, нашла ту самую открытку?» Он подошёл. Не спеша, но и не затягивая, как будто боялся, что если будет слишком долго думать, то вообще не подойдёт. — Ищешь что-то особенное? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто это самый обычный вопрос, а не попытка зацепиться за разговор. Катя обернулась — и её лицо мгновенно озарилось той самой улыбкой, от которой становилось светлее даже в пасмурный день. — Привет! — сказала она так, будто они расстались пять минут назад, а не вчера на пляже. — Да, пытаюсь. Знаешь, открытка — это как обещание. Ты пишешь на ней пару слов, отправляешь кому-то, и получается, что ты говоришь: «Я здесь, и мне хочется, чтобы ты это знал». Даже если это просто «Привет, тут красиво». Роман чуть улыбнулся. — Звучит... серьёзно для кусочка картона. — А он не просто кусочек, — возразила Катя, снова склоняясь к витрине. — Он кусочек дня. Вот смотри: на этой — закат над морем, на этой — чайка, которая будто смеётся. А вот эта... — она потянулась к открытке с видом старого маяка, похожего на тот, что был на её магнитике. — Вот эта мне нравится. В ней есть что-то... надёжное. Роман машинально протянул руку и чуть поправил стопку открыток рядом — они чуть съехали,

и он хотел просто вернуть их на место, сделать так, чтобы всё было ровно. И в тот же самый момент Катя потянулась к той же самой открытке. Их пальцы почти соприкоснулись — и они оба отдернули руки, как будто испугались, что могут обжечься. Секунду они стояли, глядя друг на друга, а потом одновременно рассмеялись. Смех был немного неловким, но в нём не было напряжения — только облегчение от того, что это всего лишь открытка, а не что-то важное. — Прости, — сказал Роман, чуть хмурясь, но уже улыбаясь. — Привычка. Мне нравится, когда всё ровно. — Ничего, — ответила Катя, всё ещё смеясь. — Зато теперь мы точно знаем, что думаем об одном и том же. Она взяла открытку и повертела её в руках. — Хочешь, я тебе её подарю? Чтобы у тебя тоже был кусочек надёжности. Роман покачал головой. — Не надо. Но... спасибо. Мне приятно. Они снова замолчали, но тишина была лёгкой, не давящей. Рядом шуршали ленты, ветер приносил запах моря и чего-то сладкого — возможно, из соседней пекарни. — Знаешь, — вдруг сказала Катя, и в её голосе впервые прозвучала не весёлая бравада, а настоящая уязвимость, — иногда я боюсь, что моя энергия отпугивает людей. Что я слишком много болтаю, слишком много радуюсь, слишком... много всего. И люди смотрят на меня и думают: «Ну вот, опять эта шумная девчонка». Роман посмотрел на неё — на эту искренность, на то, как она не прячет свои страхи за шутками, а вынимает их и показывает, будто говорит: «Вот, смотри, это во мне есть, и я не знаю,

что с этим делать». И он вдруг понял, что хочет сказать ей что-то настоящее, без красивых слов, просто правду. — Ты не отпугиваешь, — тихо сказал он. — Ты просто слишком яркая для моего режима «тишина». Но знаешь, в этом есть своя прелесть. Как в пряном латте: сначала думаешь, что это слишком, а потом понимаешь, что без этого уже не так вкусно. Катя улыбнулась, но на этот раз улыбка была не широкой и звонкой, а тихой, почти застенчивой. — Спасибо, — сказала она. — Это, наверное, самое приятное, что мне говорили про мою «шумность». Ветер вдруг принёс запах дождя — свежий, острый, будто город готовился к чему-то новому. Катя глубоко вдохнула и улыбнулась. — Обожаю этот запах. Он как обещание, что всё может измениться. Роман впервые заметил, как она «собирает» мир по деталям: по открыткам, по запахам, по случайным улыбкам прохожих. Для него мир был большим полотном, где важно было не запутаться в линиях, не потерять направление. А для неё он был мозаикой из мелочей, и каждая была важна. — Если хочешь, — неожиданно для себя предложил он, — можем пройти по моему маршруту. Там тихо, но красиво. Никаких сюрпризов, обещаю. Ну, или почти никаких. Катя прищурилась, будто проверяя, серьёзно ли он говорит. — Без сюрпризов? Это звучит... подозрительно. Но я согласна. Люблю, когда кто-то другой решает, куда идти, хоть ненадолго. Они пошли рядом, не касаясь друг друга, но подстраиваясь под шаг. Роман шёл чуть медленнее, чем обычно, чтобы ей было удоб-

но. Катя не пыталась обогнать, не тянула его вперёд — она просто шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на что-то: на ракушку у кромки воды, на тень от фонаря, на чайку, которая сидела на перилах и смотрела на них с видом судьи. — Смотри, — сказала она, показывая на тень. — Она похожа на корабль. Роман прищурился. — Или на облако. — Или на корабль-облако, — рассмеялась Катя. — Пусть будет так. И они пошли дальше, уже не споря, а просто позволяя миру подкидывать им маленькие чудеса. Набережная тянулась вперёд, перила блестели от влаги, витрины магазинов мерцали, как маленькие маяки. Ветер становился сильнее, но теперь он не сбивал с ног — он будто подталкивал их вперёд, шептал: «Идите, идите, сегодня хороший день». Роман вдруг понял, что не смотрит на часы. Не думает о том, сколько времени осталось до следующего пункта плана. Он просто идёт рядом с девушкой, которая собирает мир по кусочкам, и впервые чувствует, что тоже может позволить себе не всё контролировать. Что иногда можно просто идти и смотреть, как тень становится кораблём. Когда они дошли до конца набережной, солнце уже стояло выше, и город окончательно проснулся. Где-то играла музыка, кто-то смеялся, пахло свежей выпечкой и морем. — Спасибо, — тихо сказала Катя. — За тишину. За то, что не торопил. Роман кивнул, не зная, что ответить. Но ему было приятно, что она это сказала. — Не за что, — ответил он. — Иногда тишина — это тоже приключение. Просто тихое.

Они ещё немного постояли, глядя на море, на волны, которые накатывали и отступали, будто репетировали какой-то важный разговор. Потом Катя улыбнулась и сказала: — Ну что, куда теперь? Роман улыбнулся в ответ. — Куда хочешь. Сегодня маршрут — твой. И в этот момент он понял: его план на день снова изменился. Но на этот раз он не злился. Потому что иногда самое правильное — это позволить ветру решить, куда повернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.